

КАК ПРОЗВУЧИТ В ЭФИРЕ СЛОВО...

**ЗАМЕТКИ АКТЕРА,
РОДИВШИЕСЯ
У ПРИЕМНИКА**

Сценическая речь не замыкается сегодня в стенах драматического театра. Намного расширился масштаб ее использования — в кино, на телевидении, на радио, в работе которого артисты драматических театров принимают самое активное участие. Это их ко многому обязывает.

Не каждый актер может выступать перед многомиллионной аудиторией. Валентин Катаев в одной из передач говорил о необходимости постоянно знакомить радиослушателей с лучшими образцами исполнения классики и в качестве примера привел Игоря Ильинского, великолепно читающего «Старосветских помещиков» Гоголя. К сожалению, радио не всегда радует нас такими интересными и запоминающимися передачами. Порой огорчает блеклость чтения стихов, досаждают утомляющая слух интонационная однотонность, проглатывание конца фраз.

Недавно по радио передавали сцену из «Ромео и Джульетты» в исполнении молодых артистов. Откровенно признаюсь, я не мог разобрать и половины текста. Этому мешала какая-то интонационная бестолковщина, суетливо скомканная скороговорка.

Зато как бываешь благодарен, когда услышишь подлинно талантливое исполнение классики. Я имею в виду и нашу советскую классику. Надолго запомнилось слушателю, как Михаил Ульянов читал «Тихий Дон».

Казалось бы, всеми нами любимый образ твардовского Теркина уже в достаточной мере «обработан», «озвучен», предельно использован во всех жанрах. И все же мастера искусства продолжают неустанно к нему возвращаться. К сожалению, на исполнение образа Теркина уже стал наслаиваться некоторый актерский штамп. Теркин — этаким разбитной малый, веселый балагур, которому все нипочем. Сам же Теркин, наш славный, умный Василий Теркин, к этому налету незатейливой актерской бойкости, к этой поверхностной интонационной игривости, словесному «переплясу» никакого отношения не имеет.

Но вот недавно передавали поэму Твардовского «Василий Теркин» в исполнении замечательного артиста Дмитрия Орлова. Какими драгоценными гранями вновь засверкал этот столь любимый народом образ. Хорошо, что эта запись хранится в «золотом фонде» радио.

А как великолепно, как красочно, каким богатством интонационных оттенков насыщено чтение Борисом Бабочкиным фурамановского «Чапаева». То же самое можно сказать и о талантливой Ие Саввиной, читавшей по радио произведения Ольги Берггольд «Дневные звезды» и Веры Пановой «Спутники».

«Золотой фонд»! Так называют хранилище наиболее

драгоценных записей, лучших образцов исполнения. Оказаться в этом фонде — одна из самых высоких оценок художественных достижений артиста. Василий Иванович Качалов, Николай Дмитриевич Мордвинов, Юрий Александрович Завадский, Михаил Александрович Ульянов, Дмитрий Николаевич Журавлев... Бесценны богатства золотого фонда. На живом фоне этих подлинно золотых образцов исполнения резко выделяется фальшь в интонации или ситуации.

И тут огромную роль играют чуткость режиссера, сценариста, их высокий профессионализм.

Я внимательно прослушал передачу, посвященную памяти великой русской актрисы Пелагеи Стрепетовой, чье имя овеяно многолетней и волнующей театральной легендой. Актриса Вера Енютина, исполнительница роли Стрепетовой, играла старательно, в меру своих несомненных актерских способностей. По ходу действия Енютина должна была исполнить отрывок из пьесы «Горькая чужбина» Писемского, показать Стрепетову в роли Елизаветы. Но как это сделать? Разве можно сыграть за великую актрису? Это равносильно тому, как если бы артисту, исполняющему роль Шалыгина, пришлось спеть за великого певца. Сценарист и режиссер поставили актрису в затруднительное положение.

Стрепетова, вспоминая в своей книге «Минувшие дни» роль Елизаветы, поведала об одном из кульминационных моментов своего исполнения. Она писала: «Мои нервы напряженно заговорили». Какое драгоценное признание! Заговорили! Нервы актрисы заговорили, и чудо сценического искусства свершилось. В эти мгновения исполнение Стрепетовой взметнулось на недосягаемую высоту. А какого это стоило предварительного труда, как это было внутренне пережито, как долго и сложно шел процесс освоения роли, накопления всех элементов сценического искусства.

Недавно Юрий Александрович Завадский читал по радио отрывки из своей книги «Учителя и ученики», уделив особое внимание главе, посвященной искусству и всему облику Галины Улановой. Завадский в присущей ему яркой форме поведал слушателям о том, какого огромного напряжения всех душевных и физических сил стоили нашей великой балерине каждый спектакль, репетиция. О том, как совершенно обессиленная, она еще долго продолжала жить в атмосфере только что отзвучавшего спектакля. Но едва успев передохнуть, прийти в себя, Уланова с новой энергией, со страстью включалась в мир творчества. И ее, как всегда, напряженные актерские нервы страстно говорили языком вдохновенного искусства танца.

В эту передачу включи-

лась и сама Уланова, органически дополняя чтение Завадского живыми комментариями некоторых эпизодов своей жизни, как бы ярче высвечивая их сокровенную суть.

Уланова! Вот кому особенно близко, понятны и творчески родственны столь напряженно говорившие нервы Стрепетовой. Нашу великую современницу Галину Уланову и Пелагею Стрепетову роднит, несмотря на различие их артистических жанров, подвижнический путь в искусстве. Яркий ответ труда и творчества таких великих художников сцены должен сегодня с особой силой проникать во все области искусства — на сцену, в репетиционную комнату, в кинопавильон и в радиостудию, где постоянно должен пульсировать живой нерв страстно звучащего слова.

Из огромного потока каждодневных радиопередач ни одна бесследно не растворяется в эфире. Слушатель всемо дает должную оценку, точно отделяя подлинно талантливое искусство от его ремесленных подделок, отличая эмоционально звучащее слово от красноречиво «молчащих» нервов артиста.

Сейчас справедливо говорят о необходимости скорейшего накопившиеся за годы работы артистов на радио штампы. Штампы! Один из них, наиболее хитрый, — это «простецкость», «комнатность» интонаций, когда снижается не только регистр голосового звучания, но и одновременно приглушается эмоциональная и смысловая насыщенность фразы. Да, слышишь стихи, прозу, но досаждают порой невнятная однотонность исполнения, довлеет штамп микрофонного «интим».

Микрофон — это самый чуткий партнер, не терпящий и тени фальши.

В конце прошлого года в эфире прозвучала постановка, посвященная памяти великого русского демократа А. И. Герцена. Внимание слушателей, естественно, было сосредоточено на самом Герцене. Эту роль поручили молодому талантливому артисту Малого театра Виталию Соломину. Но она оказалась явно не в его актерской индивидуальности. Фонетические данные, присущие молодому артисту, голосовой настрой, мелодика речи, ее тембровая окраска оказались, по моему, не такими, каких требовала роль Герцена. И в связи с этим хочется перейти к другой важной проблеме, определяющей успех выступления артиста перед микрофоном.

Радио точно так же, как театр и кино, крайне нуждается в своих актерских ампулах. Если в театре, кино, на телевидении исполнителю в живом сотворении образа помогают грим, костюм, пластика, мизансцены, игровые моменты, то у микрофона все определяет слово. Действительно и ярко звучащее слово. Вот почему возникает необходимость строгого соблюдения артистами речевого свое-

образия, свойственного каждому автору.

Не назрела ли необходимость в более тщательном отборе исполнителей для радиопостановок?

В старом, дореволюционном театре одно время существовало даже деление героев на так называемых «рубашечных» и «фрачных». Так же различали и исполнителей этих ролей. «Рубашечники» в совершенстве владели русской бытовой речью и были заняты в пьесах, например, Островского. «Фрачные» же актеры использовались в пьесах западноевропейского репертуара и в таких ролях, как роль Чацкого, Арбенина. А это подсказывает необходимость внедрять в практику радиопостановок, сообразуясь с их особыми условиями, и свои столь же строгие варианты отбора и отсева исполнителей. А в необходимых случаях использовать систему актерских проб, как это принято в кино. Но избежать одностороннего использования актерского дарования.

И, наконец, последняя проблема, которую необходимо затронуть. У нас нет специальных школ для подготовки артистов к выступлениям на радио. Может быть, стоит организовать постоянные курсы для исполнителей, регулярные выступления перед микрофоном. Помочь им понять, почувствовать всю сложность этой работы. Тут могут поделиться своим опытом постоянные и талантливые участники радиопередач: Бабанова, Плять, Ульянов, Саввина и другие. В качестве драгоценных актерских пособий можно использовать все те же «золотые» образцы исполнения.

Еще раз хочется напомнить о неповторимом созвездии наших мастеров звучащего слова. Их высокое искусство освещает путь к микрофону талантливым актерам молодого и среднего поколений.

Я знал Афанасия Кочеткова, например, совсем еще молодым, начинающим актером и всегда внимательно следил за его творческим развитием. И вот недавно новая с ним встреча. Уже как с актером среднего поколения. Он проникновенно читал по радио страницы из «Горького снега» Юрия Бондарева.

Сегодня на очереди совсем молодое поколение советских артистов, призванных развивать и обогащать творческое наследие замечательных мастеров прошлого и настоящего. Они, естественно, будут активно стремиться выступать перед многомиллионной аудиторией радиослушателей. И пусть стремятся, но при этом стараются не забывать, что никому не даровано право жить и творить в искусстве на льготных условиях, по облегченным вариантам.

С. МЕЖИНСКИЙ,
народный артист РСФСР.